

Локи, ослабив хватку, позволил себе рухнуть в бездну. Крики Тора звенели в ушах, но молчание Одина, пронзительное и ледяное, заглушало все звуки. Он повернулся к бушующему синему вихрю, ощущая, как глаза наполняются слезами. Да, свет был слишком ярким, но это были не слезы поражения, не слезы разочарования Одина. Локи не заботился об Одине, как Один не заботился о нем. Нисколько. Или, может быть, чуть меньше. Он не мог постичь, как можно заботиться о ком-то "чуть меньше", чем совсем не заботиться, но преодолевал любые, даже самые невероятные, трудности. Только не сейчас. Сейчас он потерпел неудачу, его план по уничтожению Йотунхейма рухнул. Шансы были не такими уж и невозможными, но шанс выжить в этой схватке был ничтожно мал. Логика подсказывала, что Локи, следовательно, должен выжить. Усмешка тронула его губы, когда клубящаяся бездна поглотила его. Если бы он был в сознании, он бы закричал, но боль разрывала его разум на части. Это было нечто большее, чем просто смерть. Осколки его сущности отлетали от нападающей силы, разлетаясь в разные стороны, чтобы быть уничтоженными телесной и духовной энергией. Все, кроме одного. Фрагмент Локи, чуть крупнее остальных, упорно цеплялся за свою прежнюю форму. Физическая оболочка была уничтожена при возвращении во вселенную, но дух - душа, хоть и крошечная, - остался. Энергии разрушенного Бифроста подхватили его, как торнадо, и понесли в вихре пространства и времени, и, по воле случая, он очутился на Мидгарде. Фрагмент был существом с животным инстинктом, а все животные хотят есть. Ему нужна была магия - не много, но ему нужно было прикрепиться к источнику. В своем ослабленном состоянии этот источник должен был быть уязвим. Вездесущая, но бесформенная сущность обшарила Землю в поисках пищи. И нашла. Существо, очень похожее на него. Существо, составлявшее менее сотой части человеческой души, которое связало себя с носителем в попытке выжить. К несчастью для этой частицы человеческой души, сотая часть души Асгарда была гораздо сильнее, чем даже целая человеческая душа, и уж точно сильнее полного человеческого черепа. Хотя фрагмент Локи был слишком мал для измерения, ему не составило труда разорвать презренное существо в клочья и изгнать его из разума хозяина, чтобы занять его место. Если бы шестилетний Гарри Поттер не спал, он бы увидел, как из его шрама вырывается облако клубящейся черноты, издавшее истошный вопль, прежде чем яркий белый свет поглотил его и проник внутрь. Он действительно проснулся, но световое шоу исчезло. Нахмурившись, он списал это на воображение - ведь в шкафу не было окон - и снова уснул. В течение, казалось, целой вечности Локи лишь наблюдал и думал. Думал. Он всегда много думал. Первый вопрос, который он решил осмыслить, был прост: был ли он действительно Локи? Он сохранил частичную память о том времени, когда был бестелесным духом, и его сверхъестественный интеллект был единственным, что не давало ему сойти с ума, когда он постигал концепцию практически вездесущности. Он знал, что был частью Локи, и, учитывая, что "настоящий" Локи, скорее всего, мертв, решил, что теперь он Локи - даже без физической формы, ограниченный разумом ребенка. Как он пал. Хотя он никогда не интересовался делами большинства смертных, он иногда вмешивался в дела волшебников, сея хаос и обучая их заклинаниям, которые только усугубляли их вражду. Сейчас он вселился в разум одного из них, весьма могущественного, судя по его оценкам. Сейчас он был слаб, как шестилетний ребенок, но станет сильным, когда вырастет - если, конечно, доживет. Локи был бы доволен уровнем силы своего носителя, если бы не то, что он не мог понять, как завладеть разумом мальчика. В течение смертных месяцев он пополнял свои силы, высасывая из мальчика душу, пока снова не стал целым. По логике, он должен был овладеть разумом ребенка при малейшем усилии. К сожалению, логика его покинула. Он полагал, что причина его неспособности в том, что он, по сути, состоял из магии мальчика, питаясь ею, чтобы восстановить свой разум. Будучи мастером магии, Локи, как никто другой, знал, что некоторые виды магии отказываются наносить удар по себе. Ему просто повезло, что он столкнулся с ней в этом ребенке. Уже в сотый раз Локи пожалел, что не попал в разум взрослого человека. Во-первых, они были бы гораздо могущественнее. Кроме того, Локи был не слишком терпеливым богом, и, хотя у него были свои дети, он не считал, что у него хватит доброты сотрудничать с

незрелостью ребенка. Он вздохнул. Да, со взрослым было бы гораздо легче сотрудничать. Как показал тот факт, что Локи был матерью, он был не прочь сменить облик для достижения своих целей - ну, тогда, когда он еще не знал, как сильно это повредит его разуму, - а взрослого или гормонального подростка было гораздо легче соблазнить. Что может соблазнить чертова шестилетка?! Конфеты?! Сам Локи не был ребенком уже много веков, так что о своем детстве он помнил лишь грусть от того, что никогда не был достаточно хорош, чтобы заставить отца гордиться им. В связи с этим он заметил, что между ним и мальчиком Гарри, чье имя он узнал только тогда, когда опекуны мальчика наконец решили называть его не "мальчиком", а как-то иначе, было много сходства. Они оба были сиротами, хотя обстоятельства немного отличались: Локи убил своего биологического отца, в то время как Гарри был убит, или, по крайней мере, так он предполагал по вспышкам зеленого света, которые мучили мальчика во сне. Эти вспышки были легко узнаваемы как вспышки Убийственного проклятия, и Локи был весьма впечатлен тем, что люди сумели его выучить. Возможно, не все люди были безволосыми обезьянами, а лишь подавляющее большинство. Кроме того, оба они были усыновлены людьми, которые больше заботились о другом ребенке, хотя Дурсли проявляли это чуть более откровенно, запирая его в шкафу, а не просто неодобрительно глядя на него одним глазом. Оба они были изгоями. Все это в сочетании с их немного похожей внешностью, вероятно, облегчило бы Локи манипулирование Гарри, заставив его воспринимать его как отца или старшего брата. Локи, если бы он мог, нахмурился бы. Что он хотел? Вернуться в Асгард? Завоевать мир? Править Асгардом? Установить всеобщее господство? Пока что ему оставалось лишь ждать, когда мальчик станет сильнее. Это оказалось проще, чем он думал. Локи уже чувствовал, как его душа, словно тень, проникает в мальчика, в его личность, в самую физиологию. Он предполагал, что однажды, под его влиянием, Гарри станет чистокровным асгардцем или, чего доброго, йотуном, а не человеком. Это если душа Локи продолжит менять и искажать его на протяжении долгих лет, и Локи надеялся, что это отразится и на его характере. Не хотелось делить тело с кем-то, кто брезгует убийствами. Он решил, что нужно начинать с малого, как только мальчик станет достаточно взрослым, чтобы понимать его. Гарри издал раздраженный рык, проснувшись от крика, донесшегося из-за двери шкафа. Он уже давно не спал без кошмаров. Тем не менее, он открыл дверцу и направился на кухню, готовясь приготовить завтрак для своих родственников. Он презирал их, но что он мог сделать? Судя по их словам, здесь было лучше, чем в приюте, но кто знает, может, они лгали. В любом случае, он был уверен, что, если его найдут, то просто вызовут полицию и отправят его обратно. Это еще больше разозлит Вернона, а в такой ситуации Гарри оказаться не хотел. Школа была единственным способом спрятаться от Вернона и Петунии, но даже там они будут знать обо всем, что он делает, а Дадли, как всегда, вымещает на нем свою злость, когда они не могут сделать это сами. Закончив с завтраком, Гарри со вздохом направился в сад, готовый начать свои выходные домашние работы. — Похоже, я останусь здесь навсегда, — пробормотал он, выходя через заднюю дверь. — А может, и нет, Гарри, — раздался в ответ незнакомый голос. Он обернулся, пытаясь найти источник звука. Перед ним стоял высокий, стройный, безусловно красивый мужчина с черными волосами и зелеными глазами, немного похожими на его собственные. Но его внимание привлекла не внешность мужчины, а его странная одежда. Он был одет в золотые доспехи, поверх которых струился зеленый плащ. Будучи шестилетним ребенком, Гарри задал первый пришедший в голову вопрос. — Вы мой папа? На мгновение мужчина выглядел ошеломленным, но затем его лицо исказила ярость. — Нет! С чего ты это взял?! — недоверчиво спросил он, и от прежней невозмутимости не осталось и следа. Гарри нахмурился. — Ну, мы похожи, и Дурсли всегда говорили, что мои родители странные... — Странные?! — потребовал мужчина. — Я не странный! — Ну, — фыркнул Гарри. — На тебе плащ... Мужчина выглядел настолько потрясенным, что Гарри пришлось сдержать смех. — Это не просто плащ, это вершина асгардского убранства! Гарри в замешательстве нахмурился. — Вершина? Асгардских? Мужчина, словно собираясь объяснить, открыл рот, но тут же закрыл его и вздохнул. — Твое образование мы обсудим позже, а пока я должен рассказать тебе о более

важных вещах. — Он сделал резкую паузу. — Я Локи Одинсон, бог злосудий, помимо всего прочего. У смертных были и другие титулы, но он не знал, какие из них верны, а какие принадлежат лжепророкам. Он считал, что смертные во всем ошибаются, но, узнав, что на самом деле он сын Лауфея, и что они узнали об этом за тысячелетия до него самого, он уже не знал, что и думать. Гарри моргнул. — Бог? Тогда почему ты здесь? Локи ожидал большего удивления, но все равно решил продолжить. — Если быть до конца честным, я упал с Бифроста... — Бифрост? — перебил Гарри. Локи снова вздохнул: объяснения этого мальчика уже порядком надоели ему. — Большой радужный мост, — упростил он. — В общем, как я уже говорил, пока меня не прервали, — он пристально посмотрел на Гарри, — я упал с Бифроста и оказался лишенным своей физической формы. Как духу, мне, конечно же, нужен был носитель, если я хотел оставаться привязанным к физическому миру. К счастью для меня, я случайно нашел смертного, в голову которого вселился дух — более слабый, чем я. Ты. Гарри застыл в ужасе. — В моей голове что-то было?! — Не стоит благодарить меня за то, что я избавил вас от этого. Теперь я живу в тебе, и ты единственный, кто может видеть меня и общаться со мной, поэтому я говорю с тобой. — В моей голове живет бог? — спросил Гарри, не переставая ужасаться. Локи нахмурился, слегка обиженный. Хотя это и было слишком упрощенно, но, по сути, являлось правдой. — Да. А еще ты, оказывается, волшебник. — Магия существует?! Локи поднял одну бровь. — Ты так легко веришь в богов, но магия для тебя немыслима? — Ну, Вернон и Петунья говорят... — начал Гарри, но его тут же прервали. — Вернон и Петунья? Те самые тетя и дядя, которые тебя ненавидят? — сказал Локи, и Гарри удивленно отпрянул. — Я живу в твоей голове, Гарри, я вижу мир твоими глазами, и мне знакома ненависть, когда я ее вижу. Я уже не раз с ней сталкивался. Гарри нахмурился. — Но ты же бог. Выражение лица Локи стало почти непередаваемо печальным. — Даже у богов есть семьи, Гарри. — Его глаза сверкнули, и на лице появилась ухмылка. — Если мы хотим покинуть это место, ты должен начать учиться магии, и я думаю, что твоя семья станет отличным подопытным.